

ОБМАНЧИВАЯ ТИШИНА

Командир сабельного взвода гвардии лейтенант Терехов получил приказ совершить развед рейд в район. Пристроив лошадей в ближайшей лошине, бойцы овражком двинулись к видневшемуся вдалеке посёлку. На окраине – тишина. Ничего, казалось, не предвещало опасности. Но Василий Терехов не верил этой тишине. За четыре года войны повидал и испытал всякое. К тому же это была территория Германии.

Дал команду взводу развернуться в цепь. И вдруг пулемётная очередь взорвала тишину. Огонь густым дождем не давал бойцам поднять головы, заставляя тесно вжиматься в снежный наст.

– Фасхутдинов! – окликнул Василий ефрейтора. – Откуда бьёт? По-моему, из сарая у ближайшего дома. Станковый...

– Так точно, товарищ гвардии лейтенант.

К очередям станкового добавился автоматный стрекот. Наши бойцы вели ответный огонь. «Нет, – думал взводный, – лежать и ждать, когда тебя найдёт вражеская пуля? И тебя, и твоих бойцов. Выход один: лучшая защита – нападение».

– Взвод! В атаку! –скомандовал он и первым ринулся на врага.

Пробежав, залёг в канавке перед сараем. Выдернул чеку гранаты и метнул её в польхающую огненными стрелами точку. Взрыв – и тишина.

Бойцы, воодушевлённые примером командира, продолжили атаку.

– Фасхутдинов! **Воронин!** Автоматчики за зелёным домом, слева! Мурад? Фасхутдинов?!

Молчание. Бросил взгляд на левый фланг. Лучший стрелок взвода, узбек Мурад, лежал, уткнувшись в дымящийся горячий снег. Струйка крови стекала по щеке.

– Взвод! Правый фланг – перебежками, левый – автоматами прикрывать! За мной!

Немцы, не ожидавшие такого натиска, стали панически отступать. Четыре точки вражеских автоматчиков за-

молкли навсегда. Остальные фашисты падали под пулями бойцов взвода. И вновь тишина, которая вскоре была нарушена наступающими частями основных сил Красной армии.

...Взвод отдыхал, отправляли раненых в медсанбат, готовили лошадей к дальнейшему походу. В расположение подъехал «виллис», из которого вышел командир дивизии генерал-майор **Николай Чепуркин**.

Дав команду взводу «Смирно!», Терехов приложил руку к виску и стал докладывать, что взвод, выполняя задание, уничтожил станковый пулемёт противника и 30 фашистов. Есть пятеро раненых, двое убитых...

– Знаю, знаю, – произнёс комдив. – Герои. Награда ждёт вас. Ну а сейчас передохнуть и опять вперёд, громить врага.

ЧЕРТОВА БАШНЯ

Наши войска были встречены сильным и точным огнём вражеской артиллерии. Для немецких корректировщиков, занявших позицию на самом вершине водонапорной башни, местность была как на ладони. Командир дивизии, не скрывая досады, спросил:

– Кто находится ближе всех к этой чертовой башне?

– Взвод гвардии лейтенанта Терехова.

– Ну так сделайте что-нибудь! Эта точка задерживает продвижение основных сил.

Гвардии лейтенант Терехов и трое командиров отделений совещались недолго. Время не давало повода для особых прикидок: что да как.

– Воронин, освобождаешь площадку у башни, если там есть стрелки. **Кожухов**, ведёшь с бойцами плотный огонь по окнам. Я с ребятами врываюсь через вход, а там по обстоятельствам...

После короткой перестрелки Василий с группой бойцов пробрался к нижним ступеням башенной лестницы. Вперёд, наверх. Очередь шмайсера задела рукав. Не медля ни секунды, ответной очередью уложил встречающего фрица. И дальше, дальше, наверх.

С этим портретом родственники Василия Терехова идут в шеренгах «Бессмертного полка»

Через окошки свистели пули автоматов отделения Кожухова. «Не хватало, чтоб свои подстрелили», – подумал на бегу. Но вот уже и последняя верхняя площадка. Из приоткрытой двери доносилась речь немецкого корректировщика.

– Ребята, прижмитесь к стенке, – приказал Терехов и крикнул в дверной проём:

–Хенде хох!

И тут же отскочил к стенке от двери. И правильно сделал. В ответ – автоматная очередь.

– Ну что ж, – произнёс взводный, – раз не хочешь по-хорошему... – и кинул в помещение лимонку.

С корректировщиками было покончено.

– **Матвеев**, – подозвал Терехов бойца, – снимай исподнюю рубаху, сделай флаг и вывеси в окошко.

Что и было сделано. Знак капитуляции точки увидели и на командном пункте дивизии.

– Ай да Терехов, ай да взвод! – произнёс комдив.

Наступление наших войск продолжилось.

СПАС БУЯН

Когда Василий Тихонович был ещё жив, к нему часто ездили внуки и правнуки в деревню Макешкино в гости. Им нравилось перебирать его орден и медали, которых было очень много. А ещё любили расспрашивать, каким он был в молодости и как было на фронте во время Великой Отечественной войны.

– Эх, ребятки, – часто повторял он, – про фронт лучше бы вам и не знать совсем, и не испытать.

Один его рассказ очень всем запомнился. Дело в том, что Василий Тихонович служил в конной разведке и часто вспоминал своего верного «боевого товарища» – любимого коня. Вот этот рассказ.

– Однажды возвращались мы из разведки и нарвались на фашистский отряд. Автоматная очередь сбила меня с коня. С простреленной ногой пролежал я целый день в кустарнике. Часто терял сознание. Вдруг чувствую, как что-то тёплое коснулось моей щеки. Открываю глаза и вижу прямо перед собой морду моего коня Буяна. Кое-как дотянулся я до стремени и взобрался в седло. «Ну, – шепчу, – милый, выручай!» И мой Буян, будто всё понимая, поскакал во весь опор к нашим. Сзади раздавались выстрелы, я слышал, как свистели пули, но конь благополучно проскакал через линию фронта в расположение наших частей. Спустя месяц я вышел из госпиталя и первым делом спросил о моём спасителе. Оказалось, что в одном из боёв моего Буяна убили...

Такой вот случай произошёл с Василием Тихоновичем на фронте.

Боевые ранения не прошли для него даром. Был он инвалидом войны. А ещё всю свою жизнь очень любил лошадей. БП